

Давая анализ стиля венгерской сказки, Д. Ортутан подчеркивает ее драматизм, разработанность сюжета в деталях, композиционную усложненность, преобладание контаминированных текстов, красочность и образность. Он подчеркивает постоянное переплетение в сказках фантастики и реализма, благодаря чему в традиционную схему распространенного мирового сюжета вплетаются чисто национальные и местные элементы. Подробно останавливаясь на социальных тенденциях венгерских народных сказок, автор раскрывает те чаяния и ожидания венгерского народа, которые выражены в них.

Д. Ортутан указывает на своеобразие венгерской сказки, объясняемое происхождением и историей венгерского народа, тем, что в культуре его слились разнообразные и часто противоположные элементы, обусловленные финно-угорскими и тюркскими корнями, среднеазиатским, кавказским и иранским влияниями, соприкосновением с древнеславянской и византийской культурой. Большое значение для судеб венгерской сказки имело и географическое положение Венгрии, как бы вклиненной между германским и славянским миром. Благодаря этому венгерские сказки являются своеобразным промежуточным звеном между восточной и западноевропейской сказкой, что очень важно для изучения мирового фольклора.

Замечательные тексты, вошедшие в сборник Д. Ортутан, полностью подтверждают ту высокую оценку, которую он в своем исследовании дает венгерской сказке.

Книга Д. Ортутан содержит высокохудожественные, чрезвычайно яркие и занимательные сказки, она подводит итоги венгерскому сказковедению, дает историографический очерк изучения венгерской сказки, характеристику ее стиля и содержания, рисует перспективы ее дальнейшего изучения. Таким образом, эта книга является, несомненно, крупным вкладом в мировую науку. Труд Д. Ортутан согрет такой искренней любовью к венгерской сказке, к ее носителям, к ее создателю — венгерскому народу, таким подлинным демократизмом, что не может не увлечь не только специалистов по фольклору, но и широкие круги читателей — любителей народного творчества в любой стране.

Э. Померанцева

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Народы Передней Азии. Под редакцией Н. А. Кислякова и А. И. Першица. Серия «Народы мира. Этнографические очерки». Под общей редакцией чл.-корр. АН СССР С. П. Толстова. М., 1957, 613 стр.

Книга «Народы Передней Азии» является очередным томом серии «Народы мира», выпускаемой Институтом этнографии Академии наук СССР. Как сообщается в предисловии (стр. 5), эта книга «преследует цель ознакомить широкие круги советских читателей с этническим составом этой части азиатского материка, с культурой и бытом ее народов, их современным положением и той освободительной борьбой, которую они ведут против всякого рода угнетателей, как местных, так и иноземных». Можно согласиться с автором предисловия, что в книге «охарактеризованы важнейшие этапы этнической истории, формы хозяйства, общественно-экономические отношения, семейный быт, тип поселений и жилища, пища, одежда, народное творчество, верования и другие стороны быта населения Передней Азии». Вполне правильным следует признать заявление, что «книга не претендует на монографическую полноту», так как большая часть ее написана на уровне и в стиле научно-популярной литературы. Но это не может объясняться «слабой изученностью многих сторон культуры и быта народов Передней Азии», как говорится в предисловии. Такое заявление можно расценивать только как субъективное мнение или ощущение авторов и редакторов данной книги.

Рецензируемый том содержит довольно обстоятельную вводную главу — «Население Передней Азии и его происхождение» и пять разделов, соответственно посвященных описанию народов Афганистана, Ирана, Турции, арабских стран и Израиля. Книга обильно иллюстрирована, что, несомненно, повышает ее ценность, делая ее содержание наглядным и более легким для усвоения. Карты выполнены вполне удовлетворительно в техническом отношении.

Авторы вышли далеко за пределы, предусмотренные подзаголовком серии («Этнографические очерки») и дали немало материала по гражданской истории, общей истории культуры и национально-освободительному движению. Такой тематический размах авторов книги может иметь как положительное, так и отрицательное значение. Читатель, ничего не знающий о народах Передней Азии, получит в целом правильное представление об основных этапах их исторического развития и об их современном состоянии. Этому способствуют доступность изложения материала и простой, легкий стиль. Но читатель, интересующийся этнографическими проблемами, несомненно, будет сожалеть, что авторы увлеклись научными дисциплинами, не входящими в компетенцию Института этнографии. Так, безоговорочное включение истории национально-освободительного движения в понятие этнографии как науки вызывает сомнение и

должно быть предметом научного обсуждения. К тому же национально-освободительное антиимпериалистическое движение отдельных народов Ближнего и Среднего Востока изложено в рассматриваемой книге схематично, многие декларативные заявления авторов не подтверждены фактами. Это движение дается в отрыве от процесса исторического развития народов и не всегда связано с их социальным строем. Такие недостатки особенно заметны на фоне довольно обширной и качественно вполне удовлетворительной советской литературы по национально-освободительному движению народов Востока. В создании этой литературы принимали участие и некоторые авторы рассматриваемого тома.

Во «Введении» (стр. 7—19) содержатся общие, как бы предварительные, сведения по географии, демографии, культуре и истории, переходящей в публицистику. В этом научно-популярном очерке отдается предпочтение некоторым еще недоказанным суждениям и предположениям отдельных ученых. Например, преувеличен уровень развития южноарабского общества, которое якобы уже во II тысячелетии до н. э. было «классовым рабовладельческим обществом» (стр. 10). На самом деле на основании исторических источников мы можем говорить о наличии рабовладельческих отношений в Южной Аравии не ранее второй половины I тысячелетия до н. э. Мнение «некоторых исследователей» о связи южноарабской письменности с протоиндийской (стр. 11) следовало бы сопроводить критикой. Встречаются ошибки вроде неправильного перевода Шатт эль-араб — «арабская река», тогда как это значит «берег арабов» (стр. 7). При перечислении советских историков почему-то пропущен известный специалист В. И. Авдиев, видимо, отнесенный к числу «многих других» (стр. 11).

Очерк «Население Передней Азии и его происхождение» (стр. 19—50) явно отражает слабую изученность проблем этногенеза. Поэтому в изложении этих очень важных проблем чувствуется неуверенность и неопределенность; видимо, много гадательного, получившего отражение в оговорках «по-видимому», «вероятно». Гораздо лучше изложены материалы по антропологии, лингвистике и истории. Правда, хронологический принцип изложения не всегда выдержан. В параграфе «Религиозная принадлежность» (стр. 24—25) встречается немало недоразумений. Например, сунна неправильно определяется как «приписываемые Мухаммеду суждения», а через несколько строчек сунне дается правильное определение — «священное предание», которое, однако, не было «устным», как наивно полагали некоторые мусульмане. Совершенно несостоятельно представление об избрании халифов, да еще какой-то выдуманной «центральной духовной общины». Евреи, исповедующие иудаизм, называются иудеями, а не «иудаистами», как пишет автор очерка, так как этим словом называют ученых, изучающих иудаизм, или иудейскую религию. Марониты — не секта, а особая христианская церковь. Кстати сказать, древнееврейский язык в древности, в средние века и отчасти в новое время был не только «языком богослужения» (стр. 22), но и орудием культуры.

В общем же на первых 50 страницах книги изложен материал, представляющий несомненный интерес для советского читателя, не являющегося специалистом-этнографом. Только этот материал далеко не везде подан в надлежаще систематизированном виде.

Описание стран Передней Азии и народов, населяющих их, дано по одной схеме: физико-географический очерк, краткие исторические сведения, основные занятия и положение народных масс, материальная культура, семейный и общественный быт, язык и духовная культура, борьба народов против империалистического закабаления, за мир и демократию.

Разделы, посвященные Афганистану и Ирану, написаны специалистами, которые не один год работали в этих странах. Без участия видного советского афгановеда М. Г. Асланова вообще вряд ли можно было бы дать разносторонний современный материал, касающийся Афганистана. Точно также участие в авторском коллективе таких квалифицированных специалистов, как Н. А. Кисляков, О. Л. Вильчевский, А. З. Розенфельд, работавших в Иране в годы второй мировой войны и позже, было весьма плодотворным как в отношении новизны собранных ими материалов, так и в отношении их качества.

Бесспорна ценность материалов, собранных и помещенных в томе К. К. Курдоевым, который прекрасно знает обычаи, жизнь и нравы курдского народа.

Следует отметить, что авторы, принимавшие участие в написании статей для тома, использовали тщательно изученные ими источники и литературу. Однако по неизвестным причинам остался вне их поля зрения ценный десяти томный труд — справочник на персидском языке «Фарханге джуграфияе Иран» (изд. 1948—1951 гг.), из которого можно было бы почерпнуть много ценных сведений, касающихся численности, национального состава населения, расселения народа и племен. В книге, например, нет упоминания о незначительной части населения (около 145 тыс. чел.), говорящего на языке дари. Люди, говорящие на этом языке, проживают в районе Лара.

Справедливость этого замечания тем более уместна, что в списке литературы на персидском языке (стр. 556—558) указана только работа Рашида Ясеми о курдах и М. Б. Бахман-беги «Обычное право у племен Фарса». Да и трудно было указать какие-либо другие издания на персидском языке, ибо правящие круги Ирана, придерживаясь паниранистских взглядов, не признают существования национальных меньшинств Ирана, заявляя, что все население страны составляет единую иранскую нацию.

Должное внимание, которое уделено в томе народам Ирана, вполне отвечает за-

даче, стоявшей перед составителями, и нужно только приветствовать труд авторов, сумевших собрать и опубликовать очень полезные и необходимые сведения не только о персах, но и о других народах Ирана.

Составители иранского раздела тома неизбежно встретились с трудностями. В литературе, например, не вполне точно выяснены взаимные связи между лурами и захтиарами, между лурами и курдами. Достаточно познакомиться с работами В. В. Бартольда, проф. Диттеля, Н. Field, A. Houtum Shindler, O. Garrod, чтобы убедиться в этом.

Правитель Ирана Керим-хан (1750—1779), которого автор, не делая никаких оговорок, считает луром (стр. 179), по другим сведениям русских и иностранных авторов принадлежал к курдскому племени зенгене, переселившемуся из Турции. Конечно, следовало бы отметить, что утверждение автора о принадлежности Керим-хана к лурскому племени не может считаться точным, ибо на этот счет существует другое мнение.

Раздел, посвященный народам Ирана (стр. 167—300), начинается с физико-географического и административного описания этой страны. В связи с административным делением Ирана на астаны, как известно, изъяты из употребления прежние названия округов страны, как, например, Азербайджан, Курдистан, Луристан, Фарс, Белуджистан и др. Они заменены нумеративными названиями астанов, которых считается одиннадцать. Вопреки господствующему в Иране официальному утверждению об отсутствии в стране национальных различий, автор раздела совершенно правильно подчеркивает (стр. 172), что господствующей нацией в Иране являются персы. По его сведениям, персы составляют несколько менее половины всего населения — 9200 тыс. чел. На самом деле, по данным «Фарханге джуграфийе Иран», их немногим более 50% всего населения страны. Приведенные в томе сведения о численности персидского и неперсидского населения, а в дальнейшем многогранная характеристика каждой группы ираноязычного, тюркоязычного и арабоязычного населения Ирана убедительно показывают, насколько беспочвенны потуги паниранистов игнорировать многонациональный состав населения Ирана.

Совершенно правильно поступили составители, четко разграничив термины: «Иран», употребляемый в значении иранского государства и страны; «иранский» — в значении группы иранских языков и говорящих на них народов; «перс» — в значении наименования основной народности Ирана и «персидский» язык — в значении языка этого народа.

Основываясь на марксистско-ленинской методологии, авторы дали единственно правильное и совершенно объективное освещение вопросов, касающихся характеристики состава населения Ирана, особенностей исторического пути народов этой страны, экономических, политических и социально-бытовых условий их развития. В лаконичной форме в разделе изложено историческое прошлое иранского государства, показаны этапы его политического подъема и упадка, постепенное превращение страны в полуколонию. В очень кратком и сжатом очерке рассказано о том, как невыносимый гнет, которому подвергались трудящиеся Ирана, эксплуатируемые местными богачами и империалистами, вызвал рост классовых противоречий и как обострение их привело к иранской революции 1906—1911 гг., явившейся отзвуком революции 1905 г. в России. С того времени национально-освободительное движение в Иране не только не прекращалось, но, наоборот, усилилось, особенно под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в России. И автор вкратце знакомит читателя с вехами новейшей истории Ирана.

В разделе очень хорошо даны сведения об основных занятиях и о положении крестьян, рабочих и кустарей Ирана. Соответствующие удачно подобранные иллюстрации дополняют текстовое изложение. Не оставлен без внимания такой характерный для иранских городов штрих, как сложившееся по традиции производство преимущественно одного, данного вида товара, создающего как бы производственную славу тому или иному городу: например Мешхеду — как центру производства клинков, Зенджану — ножей, Казвину — деревянных изделий и т. д. (стр. 192).

Достаточно полно в разделе освещаются вопросы материальной культуры. Описание поселений и жилищ основной массы населения — крестьян дано в зависимости от климатических особенностей той или иной области. И, несомненно, живой интерес вызовут у читателя описания пещерных жилищ в районе Иезда, деревенских домов в дождливом Гиляне, тростниковых хижин в Сеистане и домов с бадгирами (ветрособирателями) в южных и восточных районах Ирана.

Семейный и общественный быт описан достаточно подробно. Следовало, может быть, лучше подчеркнуть, что в положении иранских женщин в течение последних лет произошли некоторые изменения: в политическом отношении женщины Ирана стали более активны, чем в прошлом. Женщины-работницы, например, принимают большое участие в забастовках. В иранской печати сообщалось о том, как в Абадане во время забастовки нефтяников женщины, держа на руках детей, шли в первой шеренге бастующих рабочих, не боясь танков и вооруженных солдат, вызванных для подавления забастовки. В Шахи женщины-работницы также проявляли высокую активность во время забастовок. Когда для ликвидации забастовки на место происшествия прибыл полковник с целью арестовать зачинщиков забастовки, то женщины набросили на полковника чадру и так его избили, что пришлось везти его в больницу. Когда же зачинщиков забастовки хотели арестовать и увезти на автомашине, то женщины бросились под колеса, преградили путь и таким образом воспрепятствовали аресту людей, подозреваемых в организации забастовки.

Об организованности женщин Ирана можно судить хотя бы по их участию в массовых мероприятиях, проводимых под руководством Народной партии Ирана. Итальянская журналистка М. Мачокки в своей книге «Иран в борьбе» (М., 1957, стр. 179) поместила фотоснимок, который зафиксировал массовое участие тегеранских женщин (причем с открытыми лицами) в праздновании дня конституции 6 августа 1951 г. Эти черты нового в жизни иранских женщин следовало бы лучше и ярче подчеркнуть в книге «Народы Передней Азии». В равной мере нельзя не отметить участия иранских женщин в борьбе за мир. Где-то надо было отметить, что среди населения Ирана широко распространено курение опиума. Оно приняло характер народного бедствия, с которым, однако, не ведется энергичной борьбы.

В главе о гиляках, галешах и талышах можно было бы вкратце дать интересные данные русских авторов (например, Чулкова) для характеристики политических и экономических связей Гиляна с Россией в середине и конце XVIII в.

В главе, посвященной курдам, не мешало бы отметить, что часть рабочих нефтяных предприятий на юге Ирана (б. АИНК) составляют курды. На стр. 260 было бы уместно упомянуть о восстании курдов Джаванруда (1950), жестоко подавленном правительственными войсками. В этом восстании, как отмечала иранская пресса, активное участие принимали и курдские женщины, сражаясь на передовых позициях в качестве стрелков.

В главе о лурах, бахтиарах и кашкайцах на стр. 278 надо было бы сказать, что верхушка племени кашкайцев поддалась влиянию агентов гитлеровской Германии в период, предшествовавший второй мировой войне. Когда началась война, в которой Иран придерживался политики нейтралитета, вожди кашкайских племен принимали у себя фашистских шпионов. Раньше кашкайские племена находились под сильным влиянием английских империалистов. В последние годы среди них заметно усилилось влияние американских империалистов.

В разделе «Народы Турции» глава IX — «Турки» написана А. Д. Новичевым. Эта глава в целом правильно освещает культуру, быт, формы хозяйства, типы поселений, жилища и многие политико-экономические вопросы современной Турции. Однако некоторые вопросы истории материальной и духовной культуры освещены слабо или даже опущены, как, например, музыка и танцы. Автор недостаточно использовал научную литературу по этнографии Турции. Почти не использовано описание турецких городов и больших населенных пунктов, а также сообщения турецкой прессы о быте и жизни народа, путевые записки путешественников и этнографов. Следует отметить, что столь частая ссылка на книгу Махмуда Макала «Наша деревня», описывающую лишь определенную деревню центральной Анатолии, не может быть признана удачной.

Не все части этой главы представляются равноценными. Хорошо и подробно написан очерк «Основные занятия и положение народных масс». Автор правильно отмечает крайнюю отсталость сельского хозяйства, господство в нем крупного помещичьего землевладения и нищенские условия жизни большинства крестьян Турции. Однако автор недостаточно показал рост капитализма в сельском хозяйстве Турции, который особенно усилился после второй мировой войны. Нельзя согласиться с утверждением автора, что тракторы и другие сельскохозяйственные машины «используются не полностью, так как помещику часто выгоднее применять дешевый труд издольщиков и батраков». Известно, что число тракторов в Турции растет из года в год. По сообщению министра торговли, в 1957 г. в Турции насчитывалось 43 535 тракторов, тогда как в 1949 г. было всего 6 282. В 1958 г. тракторный парк предполагается увеличить на 3 465 машин (см. газ. «Ватан» от 21 декабря 1957). В Турции растет общее число крупных капиталистических хозяйств, применяющих машины, и происходит сгон издольщиков с места их жительства.

Подробно рассмотрена материальная культура — поселения, жилища, одежда, пища и т. д. В отличие от буржуазных этнографов, автор правильно подчеркивает социально-экономические различия в жизни отдельных классов и групп турецкого общества. К сожалению, в этом очерке не говорится подробно о реформах быта и культуры, проведенных в 1925—1928 гг. Введение европейской одежды и головных уборов имело большое значение для европеизации быта больших городов.

В очерке «Семейный быт» далеко не всегда учитываются изменения, происходившие, пусть медленно, в быту и идеологии турецкого населения за последнее пятидесятилетие. Обычаи и явления, характерные для турок более ранних времен, представляются автором как незыблемые и в настоящее время. Вряд ли справедливо говорить теперь, что у турок «рождению девочки никто не радуется», что родителям, у которых умерла дочь, преподносят такого рода «утешения»: «от расходов избавился!» и т. д.

Нуждается также в исправлении суждение о шариятской практике развода. Гражданский кодекс, принятый в 1926 г., упразднил существовавшие прежде нормы шарията в семейном быту, а также запретил многоженство. Между прочим, в этом параграфе ничего не сказано о таких устоявшихся в быту турецких деревень и даже городов явлениях, как «увод и кража невест».

В параграфе «Язык и письменность» мало места уделено характеристике особенностей турецкого языка. О системе народного образования следовало бы рассказать более подробно. Цифровые данные слишком устарели (1950), они не характеризуют состояния народного образования на сегодняшний день. Недостоверны данные и о классовом составе студентов вузов, так как в Турции подобные сведения не публикуются.

Параграф «Литература и наука» носит неконкретный характер. Часто встречаются неточности. Омер Сейфеддин, который умер 40 лет назад, отнесен к числу современных писателей. Среди писателей упомянуты только принадлежащие к старшему поколению: Якуб Кадри Караосманоглу, Халиде Эдиб, Решат Нури Гюльтекин, Ака Гюндюз и т. д. Вовсе не названы имена таких известных писателей сегодняшнего дня, как Яшар Кемаль, Тахира Кемаль, Ханджирлиоглу, описывающих в своих произведениях жизнь народных масс Турции.

Говоря о переводах произведений русских классиков на турецкий язык, следовало бы также указать и о переводах произведений многих советских писателей. Наука, техника и научные учреждения остались фактически не освещенными в данной главе.

В параграфе «Народный театр» ничего не говорится о широко бытующем в ряде восточных вилайетов театральном зрелище «крестьянский театр». О театре «Каратег» сказано вообще, вне времени и пространства. Не указано, распространен ли этот театр в современной Турции. Народные артисты «меддах» неправильно включены в параграф о фольклоре, тогда как именно они составляют теперь главные кадры крестьянского театра.

Глава X — «Национальные меньшинства Турции», написанная О. Л. Вильчевским и А. Д. Новичевым, правильно освещает жизнь и быт курдов, арабов, черкесов, грузин и лавов, проживающих на территории современной Турции. Авторы подчеркивают, что турецкое правительство стремится насильственно туркизировать национальные меньшинства Турции.

Несмотря на указанные недостатки, раздел «Народы Турции» дает правильное представление о быте и культуре этих народов.

Материалы, дающие представление о народах арабских стран, распределены по следующим семи главам: XI (стр. 383—416) — Арабы Саудовской Аравии (автор А. И. Першиц), XII (стр. 417—433) — Арабы Йемена (автор А. И. Ступак), XIII (стр. 434—446) — Арабы княжеств южной и восточной Аравии (автор И. А. Генин), XIV (стр. 447—477) — Арабы Сирии (автор В. Б. Луцкий), XV (стр. 478—496) — Арабы Ливана (тот же автор), XVI (стр. 497—505) — Арабы Иордании (автор А. И. Першиц), XVII (стр. 506—534) — Арабы Ирака (автор Б. М. Данциг). Все перечисленные главы наполнены интересным, разнообразным материалом, хорошо систематизированным, ясно изложенным и дающим в целом полное представление об основных занятиях и положении народных масс, о культуре и быте арабских народов. Но, видимо, авторы-арабисты в процессе их работы не составляли органически спаянного коллектива, а каждый из них работал над своей главой в отрыве от коллег. Вследствие этого в отдельных главах, написанных по общему плану, содержатся одинаковые или сходные материалы, характерные не для одного, а для всех арабских народов. Гораздо лучше было бы такие материалы вынести за скобки всех глав, дать их в виде введения ко всем главам, посвященным различным арабским народам.

Главы об арабах определенно различаются как по качеству материалов, так и по уровню его методологической обработки. Лучшими вполне можно признать главы, посвященные арабам Сирии и Ливана. В обеих этих главах явно выступают элементы научного исследования, они в значительной части написаны на уровне монографической литературы. В каждой из этих двух глав, после краткой географической характеристики страны, дается обстоятельный исторический очерк, при написании которого учитывались основные выводы советской марксистско-ленинской историографии и наличная специальная литература, а отчасти и арабские источники. Национально-освободительное движение, хотя изложено довольно бегло и не так обстоятельно, как история страны в средние века и в новое время, более или менее увязано с другими частями глав и не является только привеском к ним. Обращает на себя внимание очень квалифицированное изложение экономики Ливана. В описании культуры и быта автор хорошо изобразил сочетание старого и нового, т. е. наследия феодальной эпохи и капиталистической современности. Давая грамотное описание различных религиозных верований и организаций (что не так уж часто наблюдается в нашей литературе), автор сочетает это описание с анализом социальных противоречий и классовой борьбы.

Не соответствует высокому уровню глав о Сирии и Ливане наличие некоторых фактических ошибок. Например, финикийский язык (стр. 450) назван по недоразумению вместо сирийского (арамейского); Бейрутский арабский университет ко времени выхода рассматриваемой книги уже существовал и издавал печатные труды, а не только создавался (стр. 493). Опрометчивой является односторонняя характеристика Адиба Исхака как «атеиста и материалиста» (стр. 494), ибо этот деятель только частично приближался к материализму, не изжив еще некоторых мусульманских религиозно-политических предрассудков (в частности, панисламистских идей). Сведения о быте и экономическом строе кочевых племен (стр. 460) повторяют то, что уже сказано в главе о Саудовской Аравии. Одна и та же река называется без оговорки Нахр эль-Аси и Оронт.

Глава об арабах Йемена содержит живой и свежий материал, который не всегда можно найти в существующей литературе по этой стране. Видно, что автор о многом сообщает на основании своих личных наблюдений и непосредственных впечатлений. Сравнительно слабой частью главы является экскурс в область древней истории южной Аравии (стр. 419). Уровень развития и международное значение этой страны в ее далеком прошлом, как уже указывалось выше, явно преувеличены. Восторженный тон

автора при описании древней «Счастливой Аравии» можно объяснить некритическим использованием устаревшей компилятивной работы А. Крымского («Древняя история Аравии Южной»).

В отличие от этой главы глава о Саудовской Аравии (содержащая немало интересного и, видимо, тщательно подобранного материала) составлена исключительно на основании книжной и журнальной литературы. Давая подробное описание различных экономических и социальных институтов, автор не всегда достигает успеха в их научном анализе. Сочетание господствующего феодального способа производства с пережитками первобытно-общинных отношений и родоплеменного строя создает довольно сложную социально-экономическую и политическую систему. Автору удалось показать, что эта система является феодальной у кочевого населения. Что же касается оседлого земледельческого населения, то автор не пошел далее констатации и описания различных форм эксплуатации трудящихся (например, стр. 395), не дал четкого определения общественно-экономического строя этого населения. Необоснованным следует считать представление автора о безраздельном господстве эндогамии (стр. 399), так как хорошо известна практика экзогамных браков. Об этом свидетельствует и упоминаемая автором «Хамаса», в которой описываются нередкие случаи умыкания невест из других племен; выработались определенные обычаи, которыми сопровождалась провозы невесты к ее жениху в другое, иногда даже чужеземное племя. Подобное же неточное представление имеет автор и об арабском языке, упоминая только о его классической и диалектальных формах (стр. 411) и упуская из виду новый литературный язык, имеющий особый синтаксис и обогащенный словарный состав, свою семантику. Возможно, в связи с этим автор дает не всегда точный перевод арабских слов; например, на стр. 398 арабское слово «бейт» должно иметь значение «палатка», «шатер», а «ахл» — «семья», «родственники». Среди мелких неточностей следует признать неудачным введенный автором термин «религиозное право» (стр. 399), когда он говорит о мусульманском праве или шариате.

Арабы княжеств южной и восточной Аравии наименее изучены в зарубежной литературе, а из наших специалистов пока еще никого не интересовали. Поэтому автор этой главы выступает в трудной роли создателя первого научного произведения на указанную тему. Конечно, ее недостаточная изученность неблагоприятно сказалась на качестве рассматриваемой главы.

Следует сказать, что собранный в этой главе материал по экономической географии и этнографии дает представление о быте и условиях существования населения. Но общественные отношения изображены статически: автор не считает нужным хотя бы упомянуть о сдвигах, наблюдавшихся в этих отношениях, ничего конкретного не говорит о кризисе скотоводства. Исторический очерк (стр. 435) содержит бессистемно набранные факты, на основании которых невозможно получить представления о процессе развития этих областей в прошлом; по древней истории сообщены устаревшие и неточные сведения. При перечислении племен (стр. 436) упоминаются совершенно непонятные читателю «партии» хинави и гафири, что нуждается в объяснении. Следовало бы также более четко различать отдельные племена и религиозные объединения ибадитов и ваххабитов. При описании социальной структуры населения автор не приводит надлежащего четкого разграничения между рабами и крепостными, употребляет без объяснения такие неопределенные выражения, как, например, «феодализированная племенная аристократия» (стр. 441—442).

Гораздо лучше выглядит глава об арабах Иордании, о которых, правда, имеется больше сведений в специальной литературе и в периодической печати. Кратко и содержательно описывая основные занятия и положение народных масс этой страны, автор главы в надлежащем месте (стр. 503) приближается к правильному анализу социально-экономических сдвигов и других изменений, происходящих в иорданском обществе.

Физико-географический очерк очень краток, особенно по сравнению с такими же очерками в других главах. Видимо, автор этой главы вообще был ограничен отведенным ему количеством печатных знаков. Такое ограничение дало и положительные результаты: отсутствует исторический очерк с фактами из древней и средневековой истории, которые, по нашему мнению, совершенно не нужны читателям этнографической литературы; вместо повторения материалов о быте бедунов дается просто ссылка на другую главу, в которой довольно обстоятельно описан этот быт.

Автору главы об арабах Ирака (наравне с автором главы о Сирии) был предоставлен широкий простор и обилие печатных знаков при составлении им исторического очерка. Автор в общем умело использовал предоставленные ему возможности и сравнительно подробно изложил хорошо известные основные факты истории Ирака в древности и средние века, дав представление о процессе исторического развития этой страны на протяжении пяти-шести тысячелетий. Краткость изложения событий новейшей истории в этом очерке отчасти компенсируется в параграфе о национально-освободительном движении. Поскольку очерк истории Ирака не содержит методологических и фактических ошибок, а собственные имена и названия даны в правильном написании, можно не возражать против такой популяризации научных знаний по истории Востока.

Параграфы, посвященные земледелию и племенам Ирака (стр. 513—517), следует признать, по их содержанию и методологии, одними из лучших во всех главах об арабах. Между прочим автор умело использовал работу своего компетентного предшественника в этой области — А. Адамова. Культура и быт иракцев изложены на высоком уровне, свойственном всей главе, причем представляется весьма целесообразным

то, что характеристика арабской литературы Ирака поручена специалисту-арабисту А. Ф. Султанову.

Глава XVIII — «Евреи и арабы Израиля» (стр. 537—549; автор И. А. Генин) дает правильное, ясное и политически целеустремленное представление о современном состоянии «палестинской проблемы». В этой главе содержится популярное описание истории образования государства Израиль и реакционной политики представителей сионистского капитала, хорошо изложены классовые противоречия среди израильских евреев, национальная дискриминация, которой подвергаются местные арабы, и направление борьбы прогрессивных сил Израиля за демократию и мирное развитие страны. Но этнографический материал почти совершенно отсутствует. Это вполне понятно, так как местные арабы, по их занятиям, быту и культуре, ничем не отличаются от арабов соседних стран, а подавляющее большинство евреев в Израиле являются самыми обыкновенными европейцами и американцами.

В заключение надо отметить, что выход в свет тома «Народы Передней Азии» дает возможность советским читателям ознакомиться с жизнью и бытом этих народов. Эта книга содержит самые передовые взгляды советских людей на положение народов угнетенных стран Востока, пробудившихся к борьбе за свободу и независимость.

Е. А. Беляев, Г. М. Петров, А. М. Шамсутдинов

ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛА ЯПОНСКИХ ЭТНОГРАФОВ

Ведущая организация, объединяющая японских этнографов, это — Японское этнологическое общество (Нихон Миндзокугаку Кёкай). Центральным печатным органом японских этнографов является издаваемый этим Обществом журнал — «Этнографические исследования» (Миндзокугаку Кэнкю). Главный редактор журнала проф. Н. Мацумото хорошо известен нашим читателям как автор ряда работ по японо-аустрическим языковым и культурным связям, опубликованных на французском языке.

Журнал «Миндзокугаку Кэнкю» выходит четыре раза в год, но иногда номера бывают сдвоены. В каждом номере печатаются статьи, рецензии, заметки и краткие сообщения, хроника и т. д. Рассмотрение этих материалов позволяет сделать некоторые выводы о направлении этнографической мысли в Японии за последние два-три года.

Прежде всего бросается в глаза тематика статей. Она дает понять, что бывшее и ранее популярным среди японских ученых подразделение этнографии на Volkskunde и Völkerkunde, т. е. на этнографию своего народа и на этнографию других народов, продолжает оставаться в силе. Японские этнографы, кроме изучения японского народа и айнского населения Японии, интересуются этнографическими проблемами Восточной Азии и Океании: монголы, тунгусы, китайцы, тибетцы, корейцы, народы Юго-Западного Китая, Индокитая, Индонезии и Микронезии — вот круг их научных интересов. И можно отметить коренное различие в подходе к описанию японцев и других народов.

Исследование других, в особенности относительно остальных, народов проводится обычно в широком этнографическом аспекте. Здесь преобладают довольно крупные проблемы — глубокое исследование тайного общества «Какехан» на Молукках (статья А. Нисимура, 1957, № 4), разбор родственных отношений у цуань (подразделение народа таи) в Южном Китае (И. Сиратори, там же), детальное описание каменной скульптуры на островах Палау (Х. Хидзиката, 1956, № 3—4). В изучении же японцев доминируют мелкие, частные темы. Половина работ посвящена различным вопросам мифологии и народных культов: описываются ритуалы, принятые в отдельных храмах; таковы статьи К. Нумадзава «Церемониал плодородия в храме Тагата, префектура Айти» (1957, № 1—2), Н. Кубо — «Култ Косин» (1957, № 3), очень интересная работа К. Фуруно о христианстве у так называемых «кириситан» в префектуре Нагасаки, сохранивших элементы средневекового католицизма (1957, № 4), и многие другие. Остальные статьи посвящены таким вопросам, как взаимоотношения старожильческого и пришлого населения на острове Цусима (Т. Миямото, 1957, № 1—2), классификация некоторых видов фольклора (К. Сэки, там же), типы древних японских деревянных лопат и мотыг (И. Явата, 1957, № 4), отдельные виды крестьянской взаимопомощи (К. Арига, там же), тайный жаргон некоторых социальных кругов (М. Го, 1957, № 1—2).

Нельзя отрицать ценности всех этих работ, но нельзя одновременно и не пожалеть, что японские этнографы в последние годы в изучении родного народа почти не ставят перед собой задач рассмотрения больших этнографических явлений в широком историческом аспекте, не говоря уже об отсутствии должного внимания к этнографическим проблемам современности, хотя работы на этих участках — непочатый край.

Особую, весьма многочисленную группу составляют исследования по айнской этнографии. На этом участке научного фронта, почти заброшенном в военные и послевоенные годы европейскими исследователями, японские ученые добились существенных успехов. Большой заслугой их следует признать умение гармонично сочетать в этой области и детальные исследования частностей быта, и постановку больших проблем. В качестве примера можно назвать работу Т. Обаяси «Культурно-историческое место айнского жилища» (1957, № 4) — исследование с привлечением большого сравни-